Иннокентий Соколов

Ehre und Wut

Солнце лениво подглядывает в щель образованную отогнутым краешком занавески и облупленной рамой. В кухне царит ад. Пар вырывается из-под крышки кастрюль, стучит разделочный нож, и я повторяю в сотый раз:

- Ich gehe nach Hause[1]…

Придурок бьет кулаком в стену. Он слаб и стар, его лицо, словно сморщенное яблоко. Ночью он бормочет ругательства, а днем дремлет, или пялится в потускневший рисунок обоев. Сейчас старик хрипит, а значит нужно поспешить в комнату, узнать, в чем дело.

Вместо этого я беру со стола грушу, и вгрызаюсь в спелый бок. Фу гадость - сплевываю подгнившую мякоть, и продолжаю монотонно бубнить под нос:

- Wir gehen nach Hause[2]…

Старик задыхается и начинает, что есть силы колотить в стену. Ма готовит консервацию, и я лениво смотрю, как солнечные лучи преломляются в сверкающих банках.

- Иди глянь, чего он разошелся – Ма вытирает рукой испарину, и вновь поворачивается к плите.

- Sie nach Hause gehen[3] – громко кричу я, выбегая из кухни. Пронесясь тесным коридором, сворачиваю в комнату. Распахиваю двери, и тут же скручиваюсь от удушающей вони.

- Gosh[4]…

- Чего там? – кричит Ма.

- Scheiße[5] – бормочу я, стараясь удержать дыхание в груди. – Ма, он опять обосрался.

Придурок смотрит на меня. Пронзительная синева в его глазах давно выцвела, но все равно от взгляда старика бросает в дрожь. Он открывает рот, и я вижу, как ворочается осклизлый серый язык:

- Wütend Schüler[6] – на этот раз я понимаю, что он говорит. Старик откидывает голову назад и трясется, выдавливая противный смех.

- Убери там все – кричит с кухни Ма. Я вздыхаю.

- Beschissen Arschloch[7] – улыбка сходит с его лица, и в глазах появляется интерес. Он наклоняет голову набок - светлые пряди прикрывают плешь. От вони выворачивает наизнанку, я иду в ванную за полотенцем и горячей водой, чтобы обмыть разлагающееся тело старика.

Закончив, возвращаюсь на кухню, и вновь беру в руки учебник.

- Не надоело? – Ма возится с банками, и я стараюсь не злить ее лишний раз. Осторожно мотаю головой:

- Nicht[8].

Ма поджимает губы и отворачивается.

- Хочешь быть похожим на него?

- Nicht.

- Тогда для чего тебе все это?

- Jedem das Seine[9]…

Ма вздыхает и выключает огонь на плите.

- Мало мне одного придурка, так еще ты туда же. Он же всю жизнь матери испортил, теперь нам нервы трепет.

Это так. Семейное предание гласило, что бабушка прятала деда во время войны, а после выдавала за дальнего родственника-сумасшедшего. Дед и впрямь втянулся в роль – пускает слюни и трясет башкой – ни дать, ни взять паралитик. Но я-то знаю – иногда дурь сходит с него, словно кто-то невидимый щелкает переключателем, и в глазах появляется осмысленное выражение. Тогда он тянется жилистыми руками, и что-то бормочет под нос. Что именно, я и пытаюсь понять – для этого листаю учебник и зубрю глаголы и прилагательные на чужом языке.

Кое-что уже понятно, но еще многому нужно учиться. Лето уходит, скукоживаясь до маленького робкого лучика, что проглядывает сквозь все ту же щель.

Я записался в библиотеку и на курсы – за полгода значительно продвинулся в изучении. Придурок вся чаще пребывает в нирване, пачкая одежду, но теперь я понимаю некоторые из его выражений, которые он бормочет, возвращаясь в реальность.

Не могу сказать точно, зачем мне это, но что-то в этих длинных многоколенчатых выражениях задевает тайные струны души, отчего те звенят на разные лады, превращаясь в монотонные отголоски слов на полузнакомом языке.

И я бормочу вместе с ним:

- Wir gehen nach Hause… nicht schießen, Bitte[10]…

Старик на мгновение замирает, прислушиваясь, и затем продолжает бормотать:

- Ich habe Geld, eine Menge, ich geben[11].

Теперь я знаю, кое-что, о чем умалчивает семейное предание. Старый Грубер заплатил за свою жизнь, впрочем, неважно – и у него и у меня есть общее – маленький секрет, который знаем только мы двое.

- Lagerung[12] – где именно я пока не знаю. Но собираюсь узнать. Хитрый дед хранит свои тайны – те, что известны только ему.

Каким образом Грубер сумел обмануть бабку мне неизвестно, но точно знаю – влюбившись в голубоглазого немца, она в немалой степени способствовала тому, чтобы мои зрачки стали такими же голубыми, а сердце вздрагивало каждый раз, когда в пустой комнате с выцветшими обоями, хриплый голос сердито командует:

- Stehen bleiben, Feuer[13]…

Я командую вместе с ним, наполняясь непонятной гордостью. И однажды, когда разум ненадолго возвращается к нему, придурок тычет пальцем куда-то в стену и выплевывает одно лишь слово:

- Dachboden[14] – затем его взгляд тускнеет, и под креслом начинает образовываться лужа.

Скоро закончится лето, и снова придется идти в школу, но мне почему-то кажется, что все теперь будет по-другому.

На чердаке жарко и грязно, я ворошу старые, пыльные тюки, и в самом дальнем углу, за балкой, нахожу закладку – Грубер отодрал старые доски, и в узкий промежуток между потолком и полом чердака запрятал свои сокровища. Скрученная в тугой узел форма, и жирная и грязная от проступившей смазки газета, в

которую завернут старенький МР 40 с парой запасных обойм к нему.

От слежавшейся формы отчетливо несет застарелым мышиным дерьмом, но я осторожно беру ее в руки, и подношу к лицу, вдыхая пыль прошлого столетия. Время застыло на десятилетия, чтобы ожить передо мною.

Сейчас август, скоро начнется сентябрь.

К этому времени, я тайком отстираю и отглажу форму. Она должна подойти – мы с дедом одной стати. Нужно будет проверить и заново смазать пистолет-пулемет, думаю я сумею разобраться. Сумка лежит на антресолях – в нее поместятся и форма, и сапоги, которые я нашел в той же закладке.

Когда лето завершит свое существование и осень бросит сквозь штору первый стыдливый взгляд, я войду в школу, неся в сумке свои сокровища. Тайком переоденусь в укромном закутке под лестницей пожарного выхода. И когда прозвенит звонок четким, чеканным шагом войду в класс, и скажу:

- Ehre und Wut[15]…

И нажму на спусковой крючок.

1. Я иду домой
2. Мы идем домой
3. Они идут домой
4. Черт возьми
5. Дерьмо
6. Сердитый ученик
7. Ругательство
8. Нет
9. Каждому свое
10. Мы идем домой, не стреляйте, пожалуйста
11. У меня есть деньги, много, я отдам
12. Хранилище, закладка
13. Стоять, огонь
14. Чердак
15. Честь и ярость